

ДЕНЬ В СРОСТКАХ

Виктор ГОЛУБЕВ

...И вот — Сростки. Домик сестры Марии Сергеевны — сеньский, ветхий, дверь в сени заперта на петельку, продетую в вырез язычка, в ней торчит щепка.

— Однако нет сестры, — ничуть не огорчаясь, скороговоркой произносит Мария Сергеевна, — должно, убежала облепиху ломать

Она с показным деловитым видом обходит крыльцо, наклоняется к какой-то кадушке

— Да господь с ней! Поехали к Васе.

Ну конечно же, дела в Сростках — так, лишь бы причина. Конечно же, она ехала к Васе!

Беленый домик с голубыми ставнями, обнесенный аккуратным штакетником, прилепился к небольшой горе. Скамейка у калитки. А на горе, чуть выше и до самой вершины, светленький березничок. У дома запыленный, выдавший вид «Москвич». Небритый мужчина в тренировочном костюме с оттянутыми коленками роеся в его уставшем чреве. Тут же женщина и мальчик. Когда смотритель музея, узнав Марию Сергеевну, приветствовал нас, женщина подошла и просто, крепко поцеловала Мать. А ее муж, бросив мотор, ринулся в салон, и через несколько секунд оттуда послышалось стрекотание электробритвы.

Мария Сергеевна тут же начинает рассказ о Василии Макаровиче, как будто

понимает, как ждут его люди, приехавшие к Васе издалека. Действительно, супружеская чета оказалась учеными из Новосибирского академгородка. Ездили на Телецкое озеро и «просто не могли хоть на часок не заглянуть в Сростки, к Василию Макаровичу», как объяснил нам побритый и принаряженный муж (замечу, что крюк немалый, километров эдак под двести, которые, по-видимому, и доконали машинешку — дороги-то горные).

Мы ходим с Марией Сергеевной по дому, и она тихонько рассказывает о вещах сына, бережно сохраняемых в доме-музее.

— Вот сапоги, в которых Вася уехал в Москву поступать во ВГИК, — название института Мария Сергеевна произносит свободно, видно, говорилось оно не один десяток раз — А это портреты Васи: здесь, видите, он в гриме Степана... Степана. Песню очень любил — «Из-за острова на стрежень...» Мальчонкой был еще, бегал к соседу, который слова все знал, записывал. А вот — бушлатик, в котором с флота приехал.

На улице проглянуло неяркое осеннее солнышко, и мы вышли во двор. Сели на скамеечку с Марией Сергеевной, я взял в руки микрофон, а Валерий Иванов включил кинокамеру. И пошла съемка...

— Мария Сергеевна, Василий Макарович часто сюда наезжал?



— Часто. Он тут любил, ему шибкоглянулось тут, воздух такой хороший.

— Любимые места-то где у него были?

Тут к дому подкатил автобус, и из него высыпала толпа туристов. С шумом, смехом. Но с каждым шагом к дому люди становились все тише и тише. Перед калиткой мужчины сняли шапки. И вдруг поняли, что на скамейке перед ними Мать! Заговорили, закурили, зацеловали лицо и руки. Мария Сергеевна виновато

глянула на нас, мол, что поделаешь, и повела гостей в дом.

А я сейчас забегу чуть-чуть вперед и расскажу, как мы бродили с матерью по любимым местам сына.

«Уазик» поднимался в гору Пикет по извилистому проселку, с тыла. Не доезжая до вершины, вышли из машины и двинулись пешком. Несколько десятков шагов — обрыв и необыкновеннейший простор. Гигантская долина Катуня, сама река, ослепительно сверкающая в лучах заходящего солнца, громадная рыба-на, а скорее этакое «чудо-юдо рыба-кит» — Покровский остров, чуть заметная змейка Федуловки, прячущаяся среди молодых березок и ракушек, и тяжело чернеющий на горизонте конус Бабур-гана.

Иванов тотчас же схватился за камеру. И теперь всякий раз, когда становится невмоготу от серых городских домов, серого низкого неба, серого слякотного снега, серых людей и серых мыслей, я запираюсь в маленьком просмотровом зале в Останкине и смотрю эти кадры.

— Вот здесь, — говорит Мария Сергеевна, — Вася со съемочной группой жил две недели, ждали, когда разъяснится, чтобы снять восход над Бабурганом. Шибко красиво!

Вдоволь налюбовавшись долиной Катуня, мы переходим на другую сторону горы. А по пути останавливаемся у двух березок-невест. Здесь тоже частенько стоял и покуривал Василий Макарович, возвращаясь с рыбалки или с ломки венников на берегах Федуловки.

Внизу — Сростки. Постояли немного, помолчали, тосмотрели на деревню. Узнали домик Василия Макаровича, чуть белееющий под горой. Сфотографировались на память. И поехали в деревню.

Неделя, 1984, елв, №1